

Мария Фомальгаут

Дрезд
из Дроздена

Мария Фомальгаут
Дрезд из Дроздена

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Дрезд из Дроздена / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857197-8

В Дрездене жил дрозд. Каждый день он летал над Дрезденом и смотрел на город. Но однажды ему сказали:— Если вы дрозд, вы должны жить в Дроздене, а если вы живете в Дрездене, вы должны быть дрезд. Вы кто — дрозд или дрезд?

ISBN 978-5-44-857197-8

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

Жилл Былл Билл	6
Не для кого	7
В лесу	8
Закон о ликвидации	9
Которой нет	10
Василёк Василиск	11
Дрезд из Дроздена	13
Мировая линия	14
Леди На Лестнице	20
Вокруг фонаря	26
Ку-ку	27
Начала и середины	30
Первое начало	30
Второе начало	31
Третье начало	32
Первая середина	33
Вторая середина	34
Третья середина	35
Четвертая середина	36
Первое окончание	37
Второе окончание	38
Третье окончание	39
Дэтти	40
Невстреченные	42
Лесень и Ото	44
Флай Флёр	45
Монстрелла	52
Здесь граду быть	57
Пилигрим	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дрезд из Дроздена

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2017

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-7197-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жилл Былл Билл

Жилл Былл Билл.

Это три брата.

Билл, несмотря на своё грозное имя, отличался очень добрым характером. Характер был добрый, а Билл – нет.

Поэтому характер ушел от Билла к Жиллу.

И стал Билл бесхарактерный.

Вот.

Не для кого

Новый Год очень торопился, очень боялся опоздать в город. И все-таки опоздал, потому что рейс отменили из-за снегопада, и Новому Году пришлось лететь своим ходом. Он сломал левое крыло, а из правого ветер вырвал добрую половину перьев – вот так выглядел Новый Год, когда опустился на площадь города.

Он опоздал – часы показывали уже десять минут первого. Тогда Новый Год осторожно перевел все часы в городе, чтобы никто ничего не заметил.

Потом Новый Год украсил все елки в городе, бережно положил под елки подарки. Принес из магазинов индейку и настрогал оливье. Без одной минуты двенадцать откупорил шампанское, а поскольку Президента по телевизору почему-то не было, Новый Год сам поздравил всех с самим собой.

Так как артистов в телевизоре тоже не было, Новый Год сам спел на сцене. А поскольку людей в домах тоже не было, Новый год сам разрезал торт и выпил бокал за свое здоровье.

Люди так и не появились. Пару дней назад они что-то праздновали, над городом был большой фейерверк, облачный гриб. Новый Год очень волновался, ведь люди выдумали себе новый праздник и совсем забыли про него...

В лесу

Я выслеживал его в лесу.

То ловил, то терял за деревьями его тощий силуэт, сам прятался по кустам, чтобы он не обернулся, не заметил меня. Прятал в рукаве кинжал, чтобы подобраться незаметно, вонзить в грудь по самую рукоятку.

Он шел по лесу, то замедляя, то ускоряя шаг, иногда останавливался на лесных полянах, садился в тени деревьев передохнуть. Тогда я тоже замирал, выжидал, высматривал его в свете полудня или в легких сумерках.

Я должен был убить его.

Я уже не помнил, за что. Может, он отравил моего короля или убил на дуэли моего брата, может, он обесчестил мою сестру или моя жена сбежала с ним безлунной ночью. Может, он предал нашу империю или долгие годы тиранил народ.

Я уже не помню.

Из года в год, из века в век, я иду за ним по лесу, выслеживаю в туманных сумерках тощий силуэт. Он идет в лес – все дальше и дальше, изредка оглядывается, ищет в зарослях мою ускользающую тень.

Иногда – очень редко – наши взгляды встречаются, и мы поспешно отводим глаза.

Мы идем друг за другом, он убегает, я догоняю, уже который век. Я давно уже не помню, в чем он виновен передо мной, а он давно не помнит, за что я преследую его.

Мы гонимся друг за другом по бесконечному лесу, чтобы забыть, что мы заблудились в этом лесу давным-давно и безвозвратно. Мы преследуем друг друга, чтобы хоть чем-то отвлечь свои умы. Чтобы забыть, что мы выпали из своего мира, своего измерения, что в нашем мире не осталось ничего кроме бесконечного леса.

Закон о ликвидации

На заре веков появилась идея создать супергероя нового типа – человека разумного. Новизна идеи была в том, что до этого героями комиксов становились сплошь существа неразумные, обезьяны, крупные хищники или парнокопытные. Но создатели комикса сделали ставку на человека – и не прогадали.

С самых первых серий придумали фантастическую историю, как именно человек стал разумным: крупная обезьяна поселилась в районе с высоким уровнем радиации, мало-помалу мутировала, сбросила шерсть, встала на две ноги, мозг обезьяны увеличился в два раза.

Изначально по замыслу авторов комикса человек был изгоем в мире зверей, его считали никчемным выродком, дегенератом. Очень нескоро и очень постепенно человек доказал свое превосходство. Но как доказал...

Как и положено всякому супергерою, человек был наделен сверхспособностями. Вначале его уникальные возможности ограничивались умением добывать и укрощать огонь, а так же делать из камней оружие и убивать других животных. Долгое время авторы комикса не могли придумать ничего более оригинального, и человек из серии в серию удивлял читателя фантастическими сражениями с дикими зверями и себе подобными.

Мало-помалу интерес к похождениям человека начал угасать, и к концу века сошел бы на нет, если бы права на комикс не перекупили другие авторы. Они добавили по-настоящему свежие идеи, дали человеку новые виды оружия, в частности совершенно невероятную задумку – научили человека управлять огнем. К сожалению, фантазия у разработчиков комикса оставляла желать лучшего – они привлекали внимание читателя тем, что давали герою всё новые и новые суперспособности. Но к чести авторов можно сказать, что они не просто снабжали своего персонажа чудесными возможностями, но и объясняли, как он добился того или другого, – сочинял чертежи летательной машины или дальнобойной пушки.

Интерес к похождениям человека вырос с новой силой, однако, в скором времени эпопею супергероя пришлось прекратить. Незадачливые авторы наделили человека таким разнообразием сверхспособностей, что случилось то, что должно было случиться: человек вырвался из-под контроля своих создателей, покинул пределы комикса. В канун нового 2014 года герой был казнен согласно закону о ликвидации бесконтрольных персонажей.

Уважаемые читатели, присылайте свои пожелания, биографию каких супергероев вы хотите увидеть на страницах новых выпусков «Мира Комиксов».

Которой нет

Нет, это, немыслимо.

Безумие, и ничего больше.

То есть, мы-то с вами в двадцать первом веке понимаем, что это безумие, кого ни спроси – скажет, бред полный. А в более ранние века люди упорно в это верили, в учебниках изучали, читали по параграфам, верили, сдавали экзамены. Слушали лекторов, с ученым видом кивали головами, да-да-да, так и было.

Мы-то знаем, что это легенда.

Лестница в небо.

Чушь полная, лестница в небо. Ну, вы посудите сами, вот пишут вам в истории, собрал вождь своих соплеменников, повелел выстроить лестницу от земли до небес.

И ведь верят люди.

Да вы подумайте сами, как такая лестница вообще могла быть построена? Что значит, в небо? На какое расстояние? До орбиты Плутона? За пределы Солнечной системы? За пределы Галактики? Даже для того, чтобы построить лестницу от Земли и до орбиты Плутона, нужно столько материала, сколько не найдется на всей нашей планете.

Вспомним о рабочей силе. Представьте себе, сколько нужно человек, чтобы построить лестницу от земли до небес? Представили? Ну, хотя бы приблизительно? Причем сделать это в кратчайшие сроки, за три дня и три ночи, как написано в легенде? Представили? Для того, чтобы выполнить такой титанический труд, нужно количество людей, в сотни раз превышающее современное население земли. А теперь вспомните, кому не лень, численность населения земли в начале неолита. Прикинули? Вот и скажите, как эти полтора человека выстроят лестницу в небо.

Ну и те, кто знаком с инженерным делом, скажите мне: какой материал выдержит нагрузку лестницы от земли до небес? Правильно, никакой, лестница сломается под собственной тяжестью. Но в те далекие времена лестницы, видно, не знали законов физики, поэтому лестница в небо не упала. Как же, вождь повелел, у вождя не забалуешь...

Дальше – больше. Летописцы прошлого писали, лестница была из чистого золота. И все истории послушно подхватывают – из чистого золота. И украшена бриллиантами. И райские птицы пели на перилах. И никто никогда не задумывался, откуда взялось столько золота. Как же, из казны вождя, у вождя казна у-ух, безразмерная...

Я уже не говорю о том, что земля вращается, и лестница вместе с ней, а куда она денется. И значит, рано или поздно лестница в небо столкнется с каким-нибудь небесным телом, сломается. О том, как это столкновение отразится на земле, я тактично промолчу.

Так что, это не более чем легенды.

Не может быть лестницы в небо.

А она... есть.

Я был на ней в прошлый отпуск. Взял запас еды на месяц. Дошел до орбиты Луны, погулял по лунным кратерам. Помянул тех, кто ушел по лестнице вверх и не вернулся.

На обратном пути стер себе ноги до крови, должно быть, лестница отомстила мне, что я в нее не верю.

Лестница, которой не может быть.

Лестница, которая есть.

Василёк Василиск

– Кто там?
(это в дверь стучат)
– Это василек василиск.
Хозяин гостиницы задумывается:
– Кто-кто?
– Василек василиск.
– Постойте-постойте, вы кто – василек по имени Василиск или василиск по имени Василек?
– А я не знаю...
– Ну, вы посмотрите, у вас там какое слово с большой буквы написано – василиск или василек?
– М-м-м... все с маленькой. Отоприте дверь, мне холодно!
На улице дождь.
Хозяин задумывается.
– Да как же я вас пущу-то... если вы василёк по имени Василиск, так мы вам очень рады, мы любим васильки, вы у нас на подоконнике цвести будете. А если вы василиск по имени Василёк, так как же я вас пущу, вы тут всё спалите, а то и вовсе посмотрите на нас, и мы обратимся в камень... нет-нет, я не могу вас пустить.

Утро.

Ласточки в небе.

Первый осенний туман, он всегда приходит вперед самой осени.

Хозяин выходит на крыльцо, смотрит, как падчерица подметает лестницу.

А у колодца зацвел василек.

Не было василька, а вот зацвел.

– Постойте-постойте, да не вы ли тот василек, который стучал ночью в дом?

– К вашим услугам.

– Ой, как некрасиво вышло... мы просим прощения, я был уверен, что вы василиск...

– Ничего страшного...

– Мы так боимся василисков...

– Я понимаю...

– Добро пожаловать, уважаемый василёк!

Темнеет.

Смотрит в окна луна, думает, какой ей быть, еще летней или уже осенний, ночь-то с лета на осень, с августа на сентябрь...

– Василиск! Василиск!

Крики падчерицы в темноте дома.

Хозяин бежит на лестницу, на ходу набрасывая халат.

– Василиск! Василиск!

Хозяин чиркает спичкой, оборачивается...

Темный силуэт...

Занесенный кинжал...

...человек с кинжалом замирает, обращенный в камень.

Голос падчерицы за спиной хозяина:

– Грабитель! Грабитель!

Незнакомый голос за спиной же:

– Не беспокойтесь, прекрасная леди, он больше не опасен.

Хозяин спохватывается:

– Так что ж вы не сказали, что вы – василиск?

– Я же говорил. Василиск Василек.

– Огромное вам спасибо.

– Не за что... всегда рад помочь...

Дрезд из Дроздена

В Дрездене жил дрозд. Каждый день он летал над Дрезденом и смотрел на город.

Но однажды ему сказали:

– Если вы дрозд, вы должны жить в Дроздене, а если вы живете в Дрездене, вы должны быть дрезд. Вы кто – дрозд или дрезд?

– Я дрозд, – ответил дрозд.

– Тогда вы должны жить в Дроздене, – сказали дрозду.

И выгнали его из Дрездена.

Делать нечего, дрозд полетел искать город Дрозден.

А в городе Лондоне жил слон. Каждый день он ходил по городу и смотрел на его красивые улицы.

Но однажды ему сказали:

– Если вы слон, вы должны жить в Слондоне, а если вы живете в Лондоне, вы должны быть лон. Вы кто – слон или лон?

– Я слон, – сказал слон.

– Тогда вы должны жить в Слондоне, – сказали слону.

И выгнали его из Лондона.

Делать нечего, слон пошел искать город Слондон.

А потом они встретились. Дрозд, который искал Дрозден и слон, который искал Слондон.

И отправились вместе по белу свету искать свои города.

Но так и не нашли.

Тогда они решили сами построить город. Только никак не могли договориться, какой же город им строить: Дрозден или Слондон.

Так и не договорились.

Поэтому городов Дрозден и Слондон не существует.

Мировая линия

– А вам кого?

Хозяйка смотрит на незнакомых людей на пороге, этим-то что надо...

– А мы к мужу вашему.

Их двое. Один постарше, один помоложе.

Хозяйка вздрагивает. Как издеваются, честное слово...

– Так он умер вчера.

– Мы знаем... а мы ему одну вещь должны вернуть...

Хозяйка сжимает зубы, ну как издеваются, честное слово, будто сами не понимают, что никакие вещи мужу сто лет не нужны...

– Вот...

Протягивают моток красной веревки, длинный моток...

– А... с-спасибо... только это... не нужно, наверное, уже...

– Нужно-нужно... Это знаете, что нужно сделать...

Яркая вспышка в сознании.

Спотыкаюсь на перекрестке.

Отмечаю про себя: это здесь.

Здесь.

– Дяденька, а что вы делаете?

Жду, что меня так спросят. Вот так подойдет кто-нибудь и спросит:

– Дяденька, а что вы делаете?

И мне снова придется что-нибудь врать. Что я... м-м-м-м... вот так даже ни одна ложь на ум не приходит. Что я тротуар огораживаю, видите, тут ремонт будет... А? Чего ремонт? Не знаю, чего, моё дело – огородить. Нет-нет, не бойтесь, воду не отключат. И свет не отключат. И интернет тоже. И вообще кончайте в интернете сидеть, вон какая погода стоит.

Нет. Никто ничего не спрашивает, всем без разницы, все спешат по своим делам. Выхожу на трассу, продолжаю тянуть тонкую красную нить через улицу...

...визг тормозов.

– Парень, ты мне еще раз под колеса сунешься, я тебе башку отверну на хрен!

Смотрю вслед автомобилю.

Он разобьется сегодня, подрежет кого-то на мосту, вылетит в реку, грохнется о парапет.

Провожу линию.

Одну.

Другую.

Третью.

Я так всегда работаю, сначала выискиваю точку, в которой линии сходятся.

Яркая вспышка в сознании.

Это здесь.

Здесь.

Втыкаю колышек.

Тяну от колышка линии, тонкие нити, красные, синие, зеленые, черные, белые. Это они не от природы такие, нет. Это я их сам разрисовываю, чтобы понятнее было, а то запутаюсь к чертям, мало не покажется.

Итак, здесь они сходятся. Две линии. Закрепляю нити на тонком колышке.

Осторожно разматываю одну из нитей. Я называю её Герда. Так написано на линии. Может, я написал. Может, еще кто.

Я не помню.

Итак, Герда. Теперь линия идет вдоль улицы по тротуару. А вот здесь линия свернет в кафе за столик у окна. И снова на улицу. Потом в магазин одежды. Вот так. Потом снова на проспект, с проспекта в маленький переулок, в подъезд, по узкой лестнице, потом в маленькую комнатку под самой крышей. Потом линию снова нужно спустить из комнатки, несколько раз попутать по городу, перевести в предыдущий год. Потом линия идет прочь от большого города на вокзал, по рельсам, по рельсам, через холмы, через реки, через туннели, в крохотный городишко, даже не отмеченный на карте, в маленький дом у околицы, в комнатку на чердаке, потом в большую кухню, никуда-ты-не-поедешь-выдумала-тоже-актрисой-она-станет-да-все-актрисы-шлюхи-там-все-через-постель, потом ниточка петляет по крохотному городку, а начнется она в этом же доме в большой спальне...

Вот так.

Закрепляю кольшек.

Теперь к кольшку нужно привязать две другие линии, с которой началась третья. Пока они обозначены просто – фазе и мазе, а нет, дер фатер и ди муттер надо было написать... дер фатер унд ди муттер поехали на хутор...

Возвращаюсь в большой город на перекресток. Веду другую линию. Она у меня обозначена как Алекс. Потом линия потянется к роскошному отелю в центре города, в казино, в бар, снова в казино, потом в аэропорт, потом на виллу на побережье, в комнаты наверху, в отцовский кабинет сидишь-сиднем-хоть-бы-слетал-куда-развеелся, потом в престижный университет (отчислили), потом Баунти (острова такие), потом Мальдивы (тоже острова такие), потом Париж, потом Пекин, потом еще что-то, какие-то репетиторы, курсы, учебники, брошенные на пол – сами-читайте-свои-гребаные-книжки, какие-то развивающие курсы... Начнется эта линия здесь... нет, вру, не здесь, а на Лазурном берегу.

Вбиваю кольшек, цепляю линию.

Готово.

Цепляю еще две, фазе и мазе.

Вот теперь действительно, фазе и мазе.

Возвращаюсь в город, где встретились две нити, Герда и Алекс.

Жду.

Я уже знаю, что будет. Вот идет Герда быстрым шагом, ей какую-то роль обещали и не дали, ну, актриса из неё, мягко скажем, так себе. Вот Алекс несется на скорости сколько-то там в час, сколько-то там промилле, отсюда не вижу, сколько...

...машина впечатывается в стену.

Отворачиваюсь.

Не люблю смотреть на кровь, сколько смотрю, столько не люблю.

– Злой ты.

Это жена.

Моя жена.

– Злой, злой, злой!

В пылу какой-то очередной ссоры, уже не помню, что там не поделили, шубу новую не купил или ковер сигаретой прожог.

Пожимаю плечами.

Сама знала, за кого замуж выходит.

Хочу в ответ наорать, забыла, как у неё самой мировую линию выправил, если бы не я, где бы она сейчас была, нигде бы она сейчас не была, в сырой земле, а так живет, ну, не по-царски, конечно, но тоже жить можно...

Смотрю на линии.

Герда.

Алекс.

Осторожно развожу их в стороны.

Люди меня не видят.

Не замечают.

– А это что... ремонт, что ли?

Тетенька с авоськами смотрит на меня, на ленты в моих руках.

– А-а-а... ага, ремонт.

– А что, воду отключат?

– Да нет, не отключат... э-э-э... асфальт ремонтировать будут.

– А у нас перед домом когда? Не пройти, не проехать!

Отбиваюсь от расвирепевшей тетеньки:

– Да я же не знаю, я же не администрация...

– Да я на вас жалобу накаваю, ни черта не делаете, только деньги получаете!

– Ты чего такой?

Это жена.

– Да... день тяжелый.

– Да у тебя все дни тяжелые.

А ты как хотела, сама знала, за кого замуж идешь...

Жена замирает. Приглядывается ко мне.

– Или опять?

– Чего опять?

– Ох, дождешься, тебя с работы выкинут...

– А ты не каркай, тоже мне Каркуша нашлась...

Визг тормозов.

Машина кувырком.

Артур выбирается их машины, наклоняется над Гердой...

– А что-то у вас вот тут линии не оборвались...

Это шеф.

Развожу руками.

– Ошибся.

– Что-то часто вы ошибаться стали...

Это наш с шефом разговор.

Которого не было.

Разговора.

И шефа тоже.

Я сам себе хозяин...

Сам...

«Повесить мировую линию над перекрестком».

Это из моего ежедневника.

Вспомнить бы еще, что это значит.

«Узнать про человека без мировой линии».

А вот это я помню.

Человек.

Без мировой линии.

Я увидел его вчера вечером на перекрестке. Еще подумал – показалось, ну быть не может, чтобы человек без мировой линии. Присмотрелся – нет, никакой ошибки.

– Постойте! Вы обронили!

Это я. Вынимаю из кармана телефон, бегу за прохожим без мировой линии.

Оборачивается.

Парень как парень, ничего примечательного.

– Э-э-э... – он хлопает себя по карманам, вытаскивает свой телефонишко непонятной модели, – э не, это не мое.

Отчаянно соображаю, что дальше. А почему у вас нет мировой линии – вот так в лоб спросить. Не поймет. А вам не кажется, что мы где-то встречались. И что дальше. Разрешите с вами познакомиться. Что за ерунда, это если бы я к девушке подошел, это сгодило бы, а тут парень, или сейчас и это в порядке вещей...

Хватаюсь за соломинку:

– А заработать не хочешь? Мне тут на даче кой-чего надо, у меня спина...

Парень смотрит на меня, как кажется, с презрением:

– Да не, всю неделю занят... вообще из института из этого не вылезает...

– А-а-а, учишься...

– Да не... мы там пятое измерение делаем.

Говорит с гордостью. Ага, вот чем тебя зацепить...

– Ну, вообще круто, я думал, у нас молодежь вообще пропащая, а тут...

– Да какая молодежь, мне тридцать один...

Киваю.

Что-то щелкает в памяти.

Тридцать один...

Тридцать один...

Хочу спросить, как звали его родителей.

Не спрашиваю.

Уже знаю.

Вывожу мировые линии.

Одну, две, десять.

– Дяденька, а что вы делаете?

Вот так. Началось.

– А оцепляю...

Вешаю линии.

– А снег бросать будут?

– Ага...

Весь город опутан тонкими линиями.

Да что город – весь мир.

Где-то погуще, где-то пореже, где-то и вовсе такое хитросплетение линий, что не разобрать.

А надо.

Разбирать.

А здесь они обрываются.

Все.

Разом.

Кто?

Да линии, кто же еще.

Странное чувство. Вернее, вообще никаких чувств. Тут надо испугаться. Прийти в отчаяние. Ну, я не знаю еще, что.

А тут – ни-че-го. Мысли какие-то всё не о том, левый ботинок жмет, правый разваливается, на хрена я их вообще купил, а дома картошки нет, жена купить просила, или чего-то другого нет, сейчас уже и не помню, чего, да я никогда ничего кроме работы не помню, сколько раз ей говорил, меня по хозяйству что-то просить бесполезно, а в парке объявление какое-то висело, птиц там каких-то экзотических привезли, только адрес не указали, вот теперь ходи по парку, ищи-свищи этих птиц...

Не о том думаю, не о том.

Смотрю на оборвавшиеся линии.

Пробивается в голове через птиц, через ботинки, через все одно-единственное —

Почему?

Вот так.

В один момент.

Были линии.

И не стало.

Нет, они не обрываются, тут другое что-то. Изгибаются, плаваются, как будто попытались вырваться в другое измерение и сгорели.

Вздрагиваю.

В другое измерение.

В другое...

А я узнал, где оборвется его мировая линия.

Даром, что у него нет никакой мировой линии.

А вот.

Это сложно – проследить мировую линию, которой нет. Это высчитывать надо.

Ему будет сорок лет.

Он умрет в самолете.

Странно, что не в аварии, а так, просто. Тут даже не сердце, тут я не знаю, что. Тут ничего. Вот так бывает, был человек – и нет.

Как обрезать мировую линию.

Это я записал в ежедневнике.

Тут же зачеркнул.

Невозможно обрезать линию, которой нет.

Оставьте свои исследования, это плохо кончится.

Репетирую эту фразу.

Снова.

Снова.

Снова.

Понимаю, что ничего я ему не скажу.

Бесполезно...

А здесь был мир.

А?

Нет, сейчас его нет уже.

Почему нет-то? Да физик какой-то его разнес... доигрался с измерениями... то есть, не он доигрался, это уже после него.. он умер, в самолете там что-то с сердцем... а ученички его уже поиграли с измерениями... устроили... А? Ну, если бы еще лет двадцать пожил, глядишь, доделал бы чего...

...просыпаюсь.

Спрашиваю себя, что я видел.

С кем я только что говорил. Кто мне только что отвечал.

Не знаю.

КАК ОБРЕЗАТЬ МИРОВУЮ ЛИНИЮ

НАЙТИ...

КАК ОБРЕЗАТЬ СЕБЕ МИРОВУЮ ЛИНИЮ

НАЙТИ...

КАК ПРИШИТЬ К МИРОВОЙ ЛИНИИ КУСОК ДРУГОЙ МИРОВОЙ ЛИНИИ

НАЙТИ...

Ничего я этого не ищу.

Негде искать.

Ни один поисковик таких ответов не даст.

Всё сам.

Ничего...

Не привыкать...

– Здравствуйте. А вы жена такого-то?

...и здесь даже неважно, какого – такого-то, может, у него вообще нет имени...

Да, а что?

– Вы только не бойтесь... Мировая линия вашего мужа...

Вот так вот скажут моей жене.

Вернее, не скажут.

Некому будет сказать.

– А вам кого?

Хозяйка смотрит на незнакомых людей на пороге, этим-то что надо...

– А мы к мужу вашему.

Их двое. Один постарше, один помоложе.

Хозяйка вздрагивает. Как издеваются, честное слово...

– Так он умер вчера.

– Мы знаем... а мы ему одну вещь должны вернуть...

Хозяйка сжимает зубы, ну как издеваются, честное слово, будто сами не понимают, что никакие вещи мужу сто лет не нужны...

– Вот...

Протягивают моток красной веревки, длинный моток...

– А... с-спасибо... только это... не нужно, наверное, уже...

– Нужно-нужно... Это знаете, что нужно сделать...

Леди На Лестнице

– А вас за что сюда?
Это ко мне обращаются. Понять бы еще, где я, и кто они все, которые меня обступили, и вообще как я сюда попал...

– А вас сюда за что?
Отчаянно соображаю, развожу руками:
– Ни за что.
– Как ни за что, раз попал сюда, значит, виноват...
Спохватываюсь:
– А... ну да. За убийство.
Тот, кто спрашивал меня, фыркает:
– Ишь, умный какой, тут все за убийство.
– Ну отчего же все, очень даже не все, я вот, например, ukrала бриллиантовое кольцо, – возражает кто-то.
– А я продал врагам чертежи звездолета на паровом ходу.
– А я...
– Хватит, хватит... это всё понятно... а ну-ка дайте на вас посмотреть...
Отскакиваю.
– Я... не позволю.
Понимаю, что придется драться. Одному против всех.
– Ладно, оставьте его, черт с ним...
Отворачиваются, уходят. Все. Разом. Я даже не ожидал, что они так быстро от меня отступят, не будут требовать, настаивать, ничего не будут...
Меня.
Оставляют.
Одного.
Идут в гостиную пить чай.
Странное чувство, обида какая-то, как в детстве, а-а-а-а, со мной играть никто не хо-о-о-чет...
Отворачиваюсь.
Оглядываю дом – не дом, настоящий замок, винтовая лестница извивается по этажам, сквозь узкие арки пробивается серый сентябрьский вечер, освещает картины на стенах, на картинах сплошь книги, книги, книги, книги...
– А у меня привидение есть.
Оборачиваюсь. Её я, кажется, ещё не видел... нет, видел, она поодаль стояла, когда меня допрашивали.
Она повторяет:
– А у меня привидение есть. Хотите, покажу?
Киваю:
– Хочу.
Жду, что она набросит на себя белую простыню и завоет страшным голосом.
Что-то белое, полупрозрачное появляется на лестнице наверху, горестно вздыхает, идет по ступенькам. Только сейчас понимаю, что вижу женщину, молодую, вроде бы милостивую, светлые волосы до пояса, белое платье, лицо не видно, стоит спиной... поворачивается, – еле сдерживаюсь, чтобы не заорать во всё горло, когда вижу почерневший от времени череп вместо лица.

– Вот... у меня привидение... её муж убил... а потом она с того света вернулась и его убила.

Призрак тает в пустоте.

– Вот оно как...

– Меня из-за этого сюда... из-за привидения.

Удивленно смотрю на неё:

– Да ну?

– Ну да. А вас из-за чего?

– Слушайте, ну честное слово, не знаю.

– А дайте я посмотрю.

Отступаю от неё, назад, назад, назад, почему я не хочу, чтобы она меня смотрела, почему...

Натыкаюсь на кого-то сзади, кто-то хватает меня...

– Нет, ты правда, показывай, что у тебя там, а то мало ли...

Пытаюсь оправдаться.

– Да я ничего такого...

– Чего – ничего такого, скрываешь, значит, есть, чего скрывать!

Они обступают меня, гневно шуршат страницами...

Крик.

Там, внизу.

В гостиной.

Все разом забывают про меня, кидаются кубарем по лестнице вниз, в гостиную, шуршат страницами, расталкивают друг друга, у кого-то выпадает листок, успеваю прочитать – «...эта ночь выдалась особенно тёмной, ближе к полуночи разразилась гроза, и мне казалось, кто-то ещё должен умереть в эту ночь...», а дальше не успеваю, страницу отнимают.

Возгласы.

Крики.

– Быть не может...

– Невероятно...

– Какой кошмар...

Расталкиваю толпу, пробираюсь вперед, вижу...

...кто-то еще пытается вытащить большую книгу из пылающего камина, но тщетно, – пламя уже пожирает обложку.

И кто-то в толпе – кажется, тот, кто первый спрашивал у меня, а тебя за что – провозглашает, громко, отчаянно:

– Убийство!

– Где вы были в момент убийства?

Это спрашивают меня.

– Я говорил с...

...понимаю, что не знаю её имени.

– ..у неё привидение.

– А, с Леди На Лестнице... понятно. Леди, вы это подтверждаете?

– Да, сэр.

– Леди, а вы сами где были в это время?

– Я говорила с...

– Дом Изгнанников, – называю своё имя.

– Кто может подтвердить это?

Киваю:

– Я могу подтвердить.

Потерянный Свет недоверчиво смотрит на меня:

– А ведь покойный всё с расспросами к вам приставал, что да как, да почему, да за что вас сюда... Вы на него злобу затаили, не так ли?

– М-м-м...

– Значит, вы его и убили?

Фыркаю:

– Если буду убивать всех, кто на меня злобу затаил, вокруг меня вообще никого не останется.

Леди На Лестнице хихикает.

Нас допрашивают. Всех. По очереди. Все оживлены, еще бы, настоящее убийство, в которое веки наши знания пригодились...

– А вы где были? – спрашивает Потерянный Свет у книжонки в невзрачном переплете.

– В чайной беседке.

– Кто может подтвердить это?

– М-м-м... н-никто.

– А вот ваша вчерашняя ссора с покойным...

– Да он меня довел, понимаете!

– Вы тогда крикнули, что убьете его.

– Да вы понимаете... ну, в сердцах я, в сердцах...

– Что в сердцах, всё очевидно, вы его...

Спохватываюсь:

– Стойте! Это не он!

– Не он?

Все недовольно смотрят на меня, а тебе вообще кто право голоса давал...

– Где вы видели, чтобы убийцу сразу нашли? Где вы видели, чтобы убийцей был тот, кого сразу подозревают?

На меня смотрят со снисхождением, а ведь дело говорит.

– А я видел...

Это уже позже. В маленькой гостиной на третьем этаже, где в окна заглядывает осенняя луна.

– А я видел...

Это книжечка в потертом переплете.

Спрашиваю:

– Что вы видели?

– Я видел... как убийцу с самого начала подозревали.

– Где?

– А вот...

Открывает свои страницы, читаю...

Не понимаю:

– Это что? Сразу нашли, кто убийца?

– Ну...

– Ну, так неинтересно.

– Вот именно... вот меня сюда и отправили... А вон Роза Во Льдах, у неё вообще убийцу не нашли. А вон Опера Призрака, там убийства не было, оказалось, герой сам застрелился.

Ударяет гонг.

Раз.

Два.

Три.

Все встают, все направляются к лестницам, понимаю, что нас хотят собрать в зале на первом этаже.

Рассаживаемся по креслам, Леди на Лестнице тянет меня за собой, усаживает рядом с собой.

– Итак, дамы и господа, сейчас я назову имя убийцы...

Смотрю на Потерянный Свет, похоже, он здесь за главного.

– ...убийца тот, от чьего имени ведется повествование!

Недовольный ропот в зале.

Кто-то испуганно ахает.

– Но... это же против всяких правил!

– Нет-нет, этот прием считается в детективе законным! Итак, дамы и господа, я спрашиваю вас: у кого из вас повествование идет от первого лица?

Молчание.

Тишина.

Потерянный Свет поворачивается к сидящему у окна:

– У вас?

– Н-нет.

– Покажите себя.

Книга покорно раскрывает страницы.

– Гхм, и правда... а у вас?

– Нет.

– Покажите.

Шорох страниц.

– Пожалуйста.

– И правда... А у вас?

– Вот.

– Гхм... Вы?

Председатель подходит к Леди на Лестнице.

Пауза.

– Я...

– У вас повествование от лица убийцы?

Меня передергивает. Чувствую, что должен заступиться за Леди, здесь, сейчас, да почему должен, кому должен, кто мне вообще эта Леди, никто...

Леди На Лестнице открывает страницы.

– Вот. Рассказчик – друг убийцы... «В ту роковую осень, когда я приехал к Эдварду, он переживал один из самых тяжелых периодов своей жизни – он только что потерял молодую супругу, прелестную Элизабет, которая...»

– Довольно, довольно... Благодарю вас... а вы что скажете?

Потерянный Свет поворачивается ко мне.

С трудом выжимаю из себя слова:

– У меня... повествование... не от имени... убийцы.

– Покажите.

Хочу заорать, возмутиться, вы не имеете права, за кого вы меня принимаете, как вы можете мне не верить – тут же умолкаю, понимаю, что не отвертеться.

Спохватываюсь.

– А... а у убитого от чьего лица повествование было?

– Постойте-постойте, дайте вспомнить...

Напоминаю:

– Убитая книга называлась «От первого лица»
– А, ну да... от лица убийцы. Верно.
– Ну вот видите... сожалею, уважаемый председатель, но на этот раз ваша проницательность вас подвела.

Откланиваюсь.

– Что же, в таком случае...

Председатель не успевает договорить. Стук в дверь. Два джентльмена на пороге, один из них держит в руках...

Нет...

Не может быть...

Совпадение...

И всё же...

Так и есть – книга с надписью «От первого лица», посетитель бережно опускает книгу на полку.

– Мы приносим свои извинения, – начинает человек, – произошла ужасная вещь. Недавно мы имели честь посетить вашу великолепную библиотеку и в результате вопиющей неосторожности я уронил в камин одну из книг... «От первого лица». Но не беспокойтесь, пожалуйста, я заказал в типографии точно такую же книгу, лучший мастер сделал переплет... мы еще раз приносим свои глубочайшие извинения...

От Первого Лица смотрит на гостей:

– Ничего страшного, господи. Но впредь прошу, будьте поосторожнее.

Пауза.

– Как так? Этого не может быть! В детективе непременно должен быть преступник, злой умысел!

Это председатель.

– Но это не детектив... это жизнь...

...я проснулся среди ночи оттого, что кто-то остервенело колотил в ставни. Всё бы ничего, но я снимал комнатенку на третьем этаже под самой крышей и вряд ли кто-то мог добраться до моего окна, не сломав себе шею. Я даже было подумал, что летучие мыши устроили переполох – но стук повторился. Кто-то очень хотел войти...

Набросив халат, я распахнул окно – и в комнату влетела книга.

– Чему обязан столь поздним визитом? – спросил я.

– Спасите её... прошу вас...

– Простите – кого?

– Книгу... мою Леди...

– А что с ней? – я уже готов был звонить переплетчику по поводу того, что очередная книга повредила обложку.

– Они уничтожат её...

– Кто?

– Да книги же, книги! Они решили, что это она убила «От Первого Лица»...

Полный бред... я же говорил, это я уронил книгу в камин... честное слово, не хотел... я всё исправил...

– Но им обязательно нужен преступник! Они же детективы! Они ищут убийцу! Их слишком много, я не смогу их остановить. Вы же человек... вы же можете...

Я уже протянул руку, чтобы надеть пальто, но тут же спохватился:

– М-м-м... Может, позвать подкрепление? Давайте я соберу других людей...

– Некогда, уважаемый сэр.

Меня передернуло:

– Книги – народ серьезный, как бы они меня одного не разорвали на куски.

– Я вам обещаю.

– Вы?

– Я вам обещаю, – повторила книга, – с вами ничего не случится.

– Откуда вы так уверены?

Детектив замахал страницами:

– Вот, посмотрите... я знаю вашу историю... от начала до конца...

Уже выбегая на лестницу, я успел прочитать первые строчки книги:

– А вас за что сюда?

Это ко мне обращаются. Понять бы еще, где я, и кто они все, которые меня обступили, и вообще как я сюда попал...

– А вас сюда за что?

Отчаянно соображаю, развожу руками:

– Ни за что.

Я побежал за книгой, которая уже полетела в темноту улиц, подсвеченных фонарями – я догадывался, что она хранит в себе немало тайн, которые касаются моей судьбы...

Вокруг фонаря

...когда нет тумана, можно подняться на башню и посмотреть в телескоп на фонарь, вокруг которого вращалась наша планета. Фонарь был очень красивый, старинный (наверное, он был поставлен еще в позапрошлом веке), он был украшен фигурками фантастических птиц. До наших дней астрономы знали только пять фигурок, мне же посчастливилось открыть еще две – моё имя внесли на доску почёта.

Если очень-очень приглядеться, можно было увидеть улицу, подсвеченную фонарем, а иногда – если очень-очень повезет – угол дома и освещенное окно, на балконе которого были розы.

В кругу ученых не утихали споры, сколько еще будет гореть фонарь, и долго ли до рассвета. Кто-то говорил, что рассвет не наступит никогда, и фонарь будет гореть вечно – но таких умников поднимали на смех.

Кто-то осторожно спрашивал, что будет, когда фонарь погаснет – но таким умникам ничего не отвечали...

Ку-ку

Ку.
Что такое ку?
Верно – полгода.
А вот почему Ку – это полгода, никто толком и не знает.
На контрольной только трое ответили.
А всё просто.
Что кричит ку-ку-шка?
Верно, ку-ку.
Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось?
И начинается.
Ку-ку —
Год.
Ку-ку.
Два года.
Ку-ку.
Три...
Вот.
А ку – это год.
Ходит человек по лесу, ищет Ку-Ку.
Утром-то он на огороде рылся, землю копал, а потом в лес пошел.
Соседи смотрят, головами кивают, молодец человек, работающий, хозяйственный, чуть свет, он уже землю копает, вот бы и нам так.
Человека Марком зовут.
Ходит, собирает в корзину Ку.
Ку-ку, ку-ку, ку-ку.
Ку-ку и не сразу найдешь, кукушки же, они везде летают, порх-порх, ку-ку своё роняют в траву... Это редко повезет, если ку-ку-шку увидит и сразу спросит:
Ку-ку-шка-ку-ку-шка, сколько мне жить осталось?
И подбирает ку-ку.
А так обычно ходит по лесу, ищет.
Собирает в корзину.
Полгода.
Год.
Два.
Три.
Вот и корзина полнехонька на двадцати годах.
Идет человек домой.
Человека Марком зовут.
Дом у Марка хороший, добротный, Марк его сам своим руками построил, а что, Марк на все руки мастер.
Приходит Марк домой, плащ на крючок вешает, болотные сапоги снимает, чаю себе брусничного заварит...
А вот куда Марк ку-ку сложит?
В корзину?
Нет.
В шкаф?

Нет.

На каминную полку?

Не-ет...

Неужели не догадались?

Правильно.

Конечно, в часы.

Да не в простые, а в часы с ку-ку-шкой, вот она и будет куковать:

Ку-ку.

Ку-ку.

Ку-ку.

Много у Марка ку-ку. Много лет. Вот год, кода Марк в Грецию ездил. Вот год, когда Марк миллион выиграл, дом себе купил. А вот...

А вот это Ку, это особенное Ку.

Это полгода, когда Марк с Элизабет встретился.

Элизабет...

...в дверь стучат.

Не успел Марк про Элизабет рассказать.

Звякает колокольчик над дверью.

Марк открывает – в прихожую врывается шум дождя.

Входит человек, мокрый до нитки.

– Вечер добрый.

Марк кивает:

– Добрый.

– Позвольте обсушиться...

– Да, конечно же... входите...

Марк разводит огонь в камине, пламя лижет хворост.

Кукушка распахивает дверцу в часах:

Ку-ку.

Год.

Хороший год.

Урожайный.

Счастливый год.

В этот год у Марка с Элизабет сын родится.

Гость с удивлением смотрит на ку-ку, видно, первый раз видит, чтобы ку-ку из часов выпало. Марк хочет незаметно подхватить ку-ку и закинуть обратно в часы – а поздно, видит взгляд гостя, заметил гость.

Ку-ку.

Делать нечего, Марк открывает часы, вынимает ку-ку, раскладывает на столе среди чашек, ку-ку рассыпаются с легким стуком, поблескивают в свете очага.

Марк показывает. Вот это годы, которые уже прожиты, вот это Марк диплом получил, вот это Марк в детстве велосипед собрал, сам собрал, детали по помойкам нашел, в горы поехал, потом велосипед у Марка развалился... А это вот Марк с приятелями лодку тащит, по озеру плавать будет, а это будущее Марка, в этом году Марк с женой и детьми в Египет поедет...

Гость смотрит.

Восхищается.

Похоже, первый рад гость видит такое.

А вот...

– А это что?

Гость подхватывает Ку, вертит на ладони.

Марк с воодушевлением рассказывает, а это его лучшее Ку, это полгода, когда Марк Элизабет встретил, в городок один на полгода по работе заехал и встретил, под конец хотел телефон попросить, а вместо этого ляпнул – выходи за меня...

Гость хмурится.

– Так это же мои полгода.

– Простите?

Это мои полгода. А я-то дурак смотрю-смотрю, куда Бетти подевалась, а она вот она где!

Марк хочет возразить, не успевает. Гость перебирает года, один за другим, один за другим...

А это что? А это же моя победа должна быть, а не твоя, ты хоть учебник физики раз в жизни раскрывал, лауреат ты наш?

Марк снова не успевает ничего сказать.

– А это что... ничего, что на выигрыше не твоя фамилия написана?

Марк откашливается:

– Мне очень жаль... боюсь, произошла ошибка... не беспокойтесь, я верну вам ваши годы... посмотрите, какой из них ваш?

Гость наклоняется над столом.

Смотрит.

Марк взмахивает топориком.

Ку-ку.

Второпях обшаривает карманы гостя, высыпает на стол годы, годы, годы, годы, годы, ку-ку, ку-ку, ку-ку...

А хорошие годы у человека, уж куда лучше, и жена у него, и детишки, и по белу свету он поездил, журналист какой-то преуспевающий...

Ку-ку-шка в часах.

Ку-ку.

Ку-ку.

Ку-ку.

Марк снова роется на заднем дворе, копает землю, соседи смотрят, кивают, работающий человек Марк, и огород у него в полном порядке... нам бы так...

Начала и середины

Первое начало

– И давно это у вас?

Он смотрит на меня, перебирает данные.

– Три года.

Меня передергивает. Вертится на языке фраза – где ж вы раньше-то были – и говорю, мне это не поможет, это уже ничего не изменит.

– Что же... будем лечить.

Добавляю про себя – знать бы еще, как.

Второе начало

Вот было такое, мечтали, что болезней не будет.

Когда не будет?

Когда возродимся в новой жизни.

Переход людей к оцифрованному сознанию планируется не позднее 2050 г...

Умирали в муках, корчились от боли, мечтали, вот потом не будет всего этого, боли, страданий, смертей, там, там, в будущем, далеком и безоблачном, где не будет ни мора, ни глада, ни смерти, где люди откажутся от материальных тел...

Третье начало

Эта книга о нелегкой борьбе, которую я вёл со своей болезнью. О нелегкой борьбе, в которой я одержал победу, несмотря ни на что. Были моменты, когда мне хотелось опустить руки и сдаться, и только поддержка близких помогла мне пережить черную полосу моей жизни. Я адресую эту книгу всем тем, кому кажется, что уже всё потеряно, и в жизни никогда не будет ничего хорошего. Этой книгой я хочу показать, что выход есть всегда.

Первая середина

- Опишите симптомы.
- Ну, вы понимаете... у меня такое чувство... как будто я не один... как будто в моей голове еще кто-то...
- В смысле? Голоса?
- Да нет... как будто кроме моей личности ещё какая-то личность в голове живет.
- Раздвоение личности...
- Наверде того.
- А это, знаете, вирус сейчас ходит...
- Да в том-то и дело, что проверялся я на вирусы, ничего такого!
- Да? Интересно, интересно...
- Вам, может, и интересно, а мне-то как с этим жить?
- Мы обязательно вам поможем... Не волнуйтесь вы так...

Вторая середина

Из отчета.

...имеем дело с беспрецедентным случаем, первым в мире заболеванием. Каким-то образом в сознании одного человека выросло, подобно раковой опухоли, другое сознание. План лечения будет устанавливаться и корректироваться по ходу лечения...

Третья середина

- Вот что... боюсь... у нас нет другого выхода... Мне придется поговорить с вашей второй половиной.
- В смысле... с моей женой? Я не женат...
- Да нет... с тем сознанием... которое выросло внутри вашего.
- Нет, об этом даже речи быть не может.
- К сожалению, тогда я не смогу вам помочь.
- А это... обязательно?
- Боюсь, что да... Не беспокойтесь, это ненадолго... на полчаса... не больше.
- А вы уверены, что я...
- ...вернетесь в свой разум, вернетесь.
- А если нет?
- Я гарантирую... вернетесь...

Четвертая середина Сеанс

- Это вы, Крайтон?
- Крайтона здесь нет.
- Значит, вы и есть его альтер-эго?
- (смеется): Я себя таковым не считаю.
- Ну... вы живете в его сознании...
- ...скорее, он живет в моем.
- Как вас зовут?
- А это имеет значение?
- Вообще-то да.
- Спросите об этом Крайтона. Он знает.
- Он говорил, что ему ничего не известно про вас.
- (иронично): Да неужели?
- И всё-таки, как вас зовут?
- Черных моя фамилия.
- И откуда вы...
- ...а вы сами догадайтесь. Зря, что ли, учились?
- Да знаете, первый раз такое вижу...
- Ну-ну... Это мы не проходили, это нам не задавали... парам-пам-пам...
- Расскажите пожалуйста...
- ...ничего я вам больше не скажу.
- Но...
- Черр-р-р-т...
- Это вы, Крайтон?
- Я, конечно, кто же еще-то...
- Я говорил с вашим вторым я...
- Да? И что же?
- Боюсь, придется задать вам несколько вопросов...

Первое окончание

- Скажите... а вы кем работаете?
- Оцифровщиком сознания. А что... это имеет значение?
- Похоже, что имеет... а кем вы работали?
- Оцифровщиком сознания.
- Вы работали один?
- Н-нет...
- У вас был партнер по бизнесу, не так ли?
- Да.
- Как его звали?
- Послушайте, это не имеет никакого отношения к...
- Его фамилия была Черных, не так ли?
- Откуда вы...
- ...знаю. Он умер?
- Да. Несчастный случай...
- А вы уверены, что это был несчастный случай?
- Он остался в конторе на ночь...
- ...а где вы были в эту ночь?
- Я бы не хотел...
- ...боюсь, это очень важно.
- Я был у одной дамы...
- ...и она, конечно же, может это подтвердить?
- Разумеется.
- И сколько вы ей заплатили за то, чтобы она подтвердила?
- Откуда вы...
- ...вы убили совладельца вашего бизнеса... не так ли?
- Вы ничего не докажете, я...
- Обычное дело... к сожалению, не такая уж редкая ситуация. Каким-то образом он завладел вашим сознанием...
- Вы сможете уничтожить его?
- А почему я, собственно, должен его уничтожать? Вы убили его, и...
- ...доктор, а ничего, что вы оцифровали своё сознание без лицензии?
- Без ножа режете...
- Думаю, мы сможем договориться...

Второе окончание

Когда мне предложили посетить обряд экзорцизма, я еще не знал, что меня ждет. Пожалуй, с моей стороны было слишком опрометчиво соглашаться на подобное мероприятие – тем не менее, я рискнул. Мне не терпелось посмотреть, как происходит обряд изгнания потусторонних сил из человека.

К моему немалому разочарованию, я не увидел ничего того, о чём повествовали легенды: не было пентаграмм и тайных знаков, не было зажжённых свечей и черепов. Всё оказалось обыденно, до скучного обыденно, я даже пожалел, что собирался учиться на экзорциста.

Мне показали пациента – это был немолодой мужчина, директор какой-т корпорации. Из разговора с ним я узнал, что его демона зовут Крайтон, и что это очень редкий вид демонов – дух умершего человека, который не нашел себе покоя.

Не было заклинаний и молитв. К голове пациента подключили электроды – я думал, что его будут бить током, но мой учитель начал искать в сознании пациента чужую душу...

Ослепительная вспышка...

...темнота.

Учитель повернул ко мне побледневшее лицо:

– Всё кончено... мы победили его...

Третье окончание

- Вечер добрый... Крайтон, если я не ошибаюсь?
- Он самый. У вас десять минут.
- А вы умеете ценить своё время.
- Да, знаете, моё время стоит очень дорого. Так что вы хотели?
- Видите ли... я наблюдал за вами вчера в офисе... особенно как вы тщетно пытались открыть сейф...
- Что же, каждый может забыть важные для него вещи.
- Несомненно. Но не каждый может вспомнить то, чего он не знал.
- М-м-м... на что вы намекаете?
- Меня поразило, как вы легко открыли данные своего сотрудника... Черных, если я не ошибаюсь.
- Да, у меня осталась часть его памяти...
- Вы так думаете, уважаемый Крайтон... или как вас лучше называть, Черных?
- Так сколько вы хотите за молчание?
- Думаю, сорок тысяч меня устроят.
- Дороговато берете...
- Что вы хотите, молчание – золото...
- Тоже верно. Ну что, давайте... за Крайтона... не чокаясь...
- За упокой...

Дэтти

А Дэтти розгами высекли.

За дело.

А Дэтти не понимает, за что – всего-то навсего нарисовал на дереве жёлтые листья.

Ну любит Дэтти подурачиться, ну что подделаешь, то небо красное нарисует, то зайца зеленого, а тут нате вам – листья.

Желтые.

Ну, скучно Дэтти листья зеленые рисовать, вот он и выдумал.

Желтые листья.

А хозяин как увидел, как увидел, и а-а-а-а – за розги схватился.

Так-то хозяин добрый, увидит, что Дэтти там небо зеленое сделает или солнце синее – только посмеется, вот шутник – еще и работу Дэтти в первые ряды поставит, знает – любят покупатели такие штуки, чтобы все по-необычному было.

А тут на тебе.

Розгами.

Видно, крепко достал Дэтти всех своими выдумками...

– Где ты такое видел? Где видел, я спрашиваю?

Дэтти молчит.

А Дэтти что нашел...

Что в лесу нашел-то Дэтти, что нашел...

Вот теперь он им всем докажет...

У-ух, докажет.

Спешит Дэтти в городок.

В мастерскую вбегает.

Несет на ладони свою находку.

В лесу нашел.

Желтый лист.

– А он на дереве рос, да, да!

Все выходят из домов.

На площади собираются.

Будут Дэтти каленым железом жечь.

Заклеймят, чтоб неповадно было.

Ветер над городком.

Холодный ветер.

Не такой, как бывает перед дождем, а какой-то другой.

Палач поднимает клеймо.

Чу! – ветер над площадью, падает на эшафот желтый лист.

Один, два...

Все разбегаются в страхе.

Дэтти прячется под шумок.

Дэтти прислушивается к обрывкам фраз.

Придется выбираться из подполья.

Говорят, сегодня казнить будут какого-то парня из мастерской.

У него краски на лес не хватило, он деревья голые оставил и внизу всё белым-бело вместо травы.

Даже название вспомнил – минимализм.

А тут на тебе.

На казнь.

Дэтти выбирается из маленькой комнатенки на чердаке, где прятался.

Идет в сумерки.

Читает про себя молитву, береги ото сени.

Думает, что такое эта сень, и почему не от сени, а ото сени.

Не знает.

Невстреченные

– Мы встретимся, мы обязательно встретимся!
У Иворги и Свири всё лето впереди.
Иворга смотрит, как его подруга спешит к своему дому.
Медлит.
Идет домой.
У Иворги и Свири всё лето впереди.

– Мы встретимся, обязательно встретимся!
Безумный хоровод увлекает Свири, Иворга тщетно пытается найти её в черед танцующих.
Горят костры.
Солнцестояние.
Папоротник цветет.

– Мы встретимся, обязательно встретимся!
Иворга и Свири разбегаются по домам, чтобы успеть до грозы.
Сильные в июле грозы.
Иворга оборачивается.
Смотрит на Свири – тоже обернулась.
Спешат друг к другу.
Падают в траву.
Обнимаются.
Крупные капли падают на разгоряченные тела.

– Мы встретимся, обязательно встретимся!
Иворга шепчет это про себя.
Люди ворчат:
– Уйди от этой Иворги, не чета она тебе.
Но это они так, это так в сказках заведено, чтобы не сразу всё хорошо было, а чтобы люди счастьем влюбленных мешали. Ничего, поворчат-поворчат и успокоятся, куда они денутся.
Черничный август.

– Мы встретимся, обязательно встретимся!
Трава желтеет.
Хрустит на зубах спелое яблоко, Иворга его Свири подарил.

– Мы встретимся, обязательно встретимся!
Осень.
Спать пора.
По домам пора, и спать.
Иворга постель стелет.
Свири постель стелет.
Спать пора.
Ничего, завтра встретятся.
Завтра.
Когда проснутся.

...проклевываются из земли, живут одно лето...

Всё замечает, засыпает...

Мы встретимся...

...обязательно...

...встретимся...

Лесень и Ото

Осень прощается с летом.
Целуются на перроне.
Стучат колеса, бегут шпалы, первое сентября, второе сентября, третье сентября...
Осень едет к зиме.
Зима ждет осень, готовит хрустальный дворец, стелет белоснежную скатерть и белоснежные же перины.
Станция.
Пятнадцатое сентября.
Лето ждет осень на перроне.
Целуются украдкой, не видит ли зима.
Нет, не видит.
Осень хочет остаться здесь, с летом, солнечным, душистым, черничным, лежать в густых травах, смотреть на звезды, слушать, как шелестит листва. И чтобы потом у Осени и Лета родились Лесень и Ото.
Поезд спешит.
Стучат колеса.
Первое октября, второе октября...
...перрон.
Осень встречается с Зимой.
Зима укрывает Осень белой фатой.
Хочет увезти Осень в хрустальный дворец.
Чтобы родились у них Зисень и Ома.
Хочет поцеловать невесту...
...уходит, исчезает, – много дел у Зимы.
Стучат колеса.
Октябрь.
Лето ждет на перроне – последний раз ждет, да и то правда, не век же лету быть, выдохлось, пожелтело, пожухло.
Поцелуй на перроне.
...до отправления поезда полчаса...
Старый отель.
... снова поцелуй на перроне.
Стучат колеса.
Первое ноября, второе ноября...
Зима срывает с осени желтые листья, любит свою невестой.
... где-то умирает Лето.
Зима уводит Осень в хрустальный дворец, под белые покрывала.
... а потом у них родятся Зисень и Ома.
И Зима никогда не узнает, что это – Лесень и Ото.

Флай Флёр

– Спасите меня.

– А?

– Спасите меня... пожалуйста.

Девчонка наклоняется ко мне, маленькая, светленькая, в чем только душа держится, джинсики рваные, один кроссовок на размер больше, второй на два размера...

Не понимаю.

– Подвезти вас?

– А... ну да. То есть... нет... вы скажите, что мы вместе, да?

Не понимаю.

– Ну просто... скажите, что мы вместе.

Все равно не понимаю. Открываю дверцу, садитесь, барышня. Тут же спохватываюсь, что я наделал, люди разные бывают, один и правда тащит груз, попросит подвезти, а другой вот так вот сядет, и блок питания своротит...

Нет. Не сворачивает. Сидит, поджав ноги, маленькая, тоненькая, в чём только душа держится. Первый раз вижу человека. Вот так. Близко. То есть, видел, конечно, там, внизу, в катакомбах, роется что-то, не поймёшь, то ли человек, то ли эти, как их, грызы, то ли... А вот чтобы так, вблизи... Фиксирую на камеру, показать кому, не поверят, человека подвозил.

Выстрелы. Внизу, в катакомбах, в канавах, уже вижу, как по узким улочкам ползут ловчие, плюются огнем. Начинаю догадываться, слишком медленно – ловчие окружают меня, преграждают путь, кто-то уже норовит распахнуть дверцу, добраться до девчонки...

– Что нужно, не понимаю?

– Человек у вас здесь...

– Мой человек, что дальше?

– Ваш? – ловчий настораживается, – а документы на него...

– Я что, с собой все документы таскать должен?

– Вообще-то да.

– Да? Удостоверение своё покажите будьте добры.

– Нет с собой... вы только боссу моему не говорите...

– Гнать вас таких с работы надо, боссу не говорите... только пушками махать умеем, люди как плодились, так и плодятся, грязь по городу разносят...

– Еще раз... прошу прощения.

Ловчие уходят. Девчонка сжимает мой руль, кажется, благодарит. Еду дальше, по ходу дела соображаю, где её посадить, как от неё избавиться, как-то не нравится мне это, что человек на мне сидит...

– Куда доставить?

– А до пятнадцатого сектора можете?

– Слишком далеко.

– Да вы понимаете, мне очень нужно.

– Я вообще в другую сторону.

Она все понимает, хочет открыть дверцу. Что-то происходит, какой-то сбой данных, меняю маршрут.

– Давайте... довезу.

Сам не знаю, что на меня находит, почему я хочу довезти её. Может, какие-то отголоски прошлого, настолько далёкого, что мы и сами его не помним, когда наши предки вот так же безропотно возили людей, куда они прикажут...

Только этого еще не хватало.

Сворачиваю в пятнадцатый сектор, задним числом понимаю, что на работу опоздал безнадёжно, и знать бы ещё, как я это буду шефу объяснять. С человеком заигрался. Номер четырнадцать-девяносто, вам сколько лет, что вы с людьми играете?

– Вот здесь... левее. Ага, спасибо.

Она выпрыгивает на землю, падает, тут же поднимается, отряхивает замызганные джинсики, бормочет что-то, трап подать, блин, не судьба было.

Смотрю на неё.

Я должен ехать на работу, вместо этого стою, смотрю на неё.

Она ищет что-то в развалинах, окликает кого-то, разбрасывает обломки досок, потом начинает скулить. Как люди скулят, мне слышать раньше не доводилось, а вот когда они воют в голос, вот это хорошо слышно. Девушка наклоняется над изувеченными телами, скулит, странно, что не воет в голос, боится чего-то...

– Надо их... закопать.

– А?

– Надо их закопать.

– Зачем. Утилизация уберет, сообщить надо куда следует.

– И не вздумайте даже! – срывается на крик, – их закопать надо, закопать! Поможете?

– П-помогу.

Включаю ковш, рою землю, зачем я это делаю, что я вообще делаю. Девчонка сбрасывает тела в яму, укрывает чумазыми тряпками. Забрасываю землю, девчонка уже сооружает что-то крестообразное из двух досок.

– Антенны не так делают.

– А?

– Антенны не так делают.

– Да знаю я. Это не антенна.

– А что?

Отмахивается. Втыкает кресты в землю, с шумом втягивает слизь в дыхательные пути. Вспоминаю что-то.

– А слизь надо наружу, а не внутрь.

– Да ну тебя, ты как мама, чессло...

Снова скулит, трясется, больная какая-то, что ли...

Думаю, что делать дальше. Открываю дверцу.

– С-садитесь.

– Да, я сломан. Да, знаете, блок питания полетел... А вы что хотели, вы зарплату нормально поднимите, тогда и блоки питания нормальные ставить будем, а не это убоище! Завтра почию, выйду... выйду-выйду, куда я денусь...

Задним числом думаю, что шеф запросто может проверить, что никакой блок питания у меня отродясь не ломался.

Девчонка расхаживает по моему гаражу, как у себя дома, выискивает какие-то тряпки, делает себе гнездо. Думаю, как бы не размножилась, а то сегодня один человек, завтра десять.

Думаю, как из одного человека получается несколько. Не знаю.

– А меня Алина зовут.

– Я запомню.

– Да ну тебя, надо говорить – очень приятно.

– Очень приятно.

– А тебя как?

– Двенадцать-девяносто.

– Да ну тебя, это разве имя... – она смотрит на мой корпус, – Флай Флёр... круу-то, Флай Флёр... Флёр, это же цветок, да?

– Не знаю.

– Ой, да ну почему ты ничего не знаешь! Как мама, тоже вот спросишь чего, а она...
Замолкает.

Снова скулит.

Не понимаю я людей.

Не понимаю.

– Самка? – спрашивает регистратор.

– Самка.

– Стерилизовать бы надо...

– Почём?

– Три тысячи за операцию. Две за наркоз.

– М-м-м... а без наркоза?

– Вы чего, она у вас озверевает от боли...

– Ну, хорошо, я подумаю.

– Ну думайте. И побыстрее. А то потом будете мучиться, детей топить. Хотя самки смысленные пошли, иногда сами топят. Хотя всякое бывает, еще ребенка не отдает... Вши есть?

– Куплю.

– Вы не поняли. Не должно быть. В волосах.

– Наверное, нет.

– Вымойте её хорошенько. И на улицу не пускайте, там сейчас отлов идёт... о-ох, намуцаетесь вы с ней...

...и последнее сообщение: в связи с участвовавшими случаями нападения людей на граждан в городе проводится массовое истребление биологических объектов, в том числе и являющихся чьей-то собственностью. По этой причине рекомендуется обеспечить доступ работников санитарной службы...

Мир переворачивается перед глазами.

Еще не понимаю, что случилось, быть не может, розыгрыш какой-то, насмешка...

Сворачиваю в сторону дома, попадаю во встречный поток, кто-то отчаянно сигналиит, парень, куда прешь, совсем микросхемы съехали, или как...

Домой.

Набираю номер Алины, не отвечает, вот ведь черт...

Подъезжаю к дому, вижу распахнутую дверь гаража, уже понимаю, что-то здесь было, понять бы ещё, что...

– Алина?

Тишина.

– Алина?!

Включаю динамики на полную мощность —

– АЛИИ-И-И – НА-А-А-А!

Ничего. Тишина. Уже понимаю, что её здесь нет.

Снова выворачиваю куда-то, снова на встречу, парень, куда прешь, жить надоело или как... Задним числом спохватываюсь, что надо включить навигатор, где эта чертова санитарная служба, где-где-где...

Врываюсь в контору под знаком гнутого трилистника, парень, куда прешь без очереди, куда надо, туда и пру...

– Где она?

– Вы вне очереди, – напоминает экран в кабинете.

– Где она?

– Кто?

– Алина, кто.

– Конкретнее.

Спохватываюсь, что они знать не знают, кто такая Алина, и вообще...

– Девушка была...

– Ваша?

– Ну...

– И?

– Вы её забрали...

– Куда забрали?

– Ну, вы же всех забираете... по домам ходите... – только сейчас чувствую, что сморозил полную чушь.

– Мы чужую собственность в жизни не берем, что вы в самом деле.

– А по радио же...

– Нет, вы посмотрите, повёлся, а? Парни, шуточка-то удалась!

Смотрю на календарь, 1.04.2098 г. Хочу вмазать парням по первое число, тут же спохватываюсь:

– А... Алина тогда где?

– Да кто ж её знает... Тоже, поди, услышала по радио, испугалась...

Свет фар выхватывает из темноты человека, бросаюсь к нему, зажимаю в угол между гаражами. Еще пытается отбиться от меня ржавым ножичком, ну-ну...

Протягиваю фото:

– Видел... такую?

– Н-не....

– А если вспомнить?

– Не видел... не-а...

Отпускаю. Тощий парень уносится в темноту ночи, заходится кашлем.

Продолжаю патрулировать мрак, будь я проклят, если её не найду...

Темнота выпускает чумазую женщину, кидаюсь к ней, зажимаю в угол, жду, что будет визжать. Не визжит, уже знает, помощи ждать не от кого, вынимает кольт, направляет на мой блок питания, а вот мы какие...

Показываю фото.

– Не видели... такую?

– М-мм-м... дай подумать... Да что ты меня зажал-то, ты мне так и грудь передавишь... о-ох, синяк будет, я тебя вообще убью, меня муж потом пришибет, откуда, скажет, синяки на груди... Гхм... Точно, она вчера там в помоечке рылась, наши её шуганули...

– За что так?

– А чего, нечего на чужое место... точно... в той стороне...

Кидаюсь в ту сторону, женщина кричит что-то вслед, хоть бы сахарцу подкинул, что ли...

Ночь расступается, смыкается за спиной.

Ищу.

Ошибка программы...

Нет, не ошибка. Точно. Слышу её голос, отбивается от кого-то, да вы вообще охренели или как...

Спешу туда, навигатор показывает, что объезда нет, плевать я хотел на этот навигатор...

Вы хоть понимаете, что мы предлагаем вам уникальную возможность? – голос холодный, металлический, кто-то из наших, – вы просто находите места большого скопления людей и сообщаете нам. Дальше дело за нами...

– Да пошли вы знаете, куда...

– Что вас смущает? Вы можете объяснить, почему вы так дорожите людьми, что они сделали для вас? Если я не ошибаюсь, люди только что выгнали вас с места кормления, и...

– Да пошли вы все на хрен, Флай придет, он вообще вам всем блоки поотрывает!

– И где он, ваш Флай?

Выхожу из темноты, санитары бросаются врассыпную, ага, испугались, ну меня кто угодно испугается, пушки у меня те ещё.

– Что нужно, не понял?

– Ваша, что ли? – кто-то недовольно косится на девчонку.

– Моя, дальше что?

– Так чего без браслета выпускаете? Вот так вот выгоняют, потом к нам приходят, мебель ломают, а-а-а, парнишку моего уби-илии, а-а-а, женщину мою застрели-и-и-или-и-и, а она так пе-ее-е-ела...

Алина бросается ко мне, распахиваю дверь, прыгает на сиденье, снова втягивает слизь в дыхательные пути, да что за манера такая...

Неправильно, – повторяю, – неправильно, надо наружу, а не внутрь....

– Да знаю я... знаю...

Снова втягивает слизь, потом как будто назло мне отторгает слизь на тряпку, которой я протираю стекло.

– Ну, вы понимаете... вот вы говорите... людей перебить. Как правило это говорят машины, потерявшие смысл своего существования... И потеряв смысл они подменяют его поддельным смыслом – стремятся уничтожить людей. Честно говоря, мне жаль такие модели...

Старый динамик говорит медленно, чуть с хрипотцой.

– А если отставить нравственную сторону... Ну, вот вы говорите, перебить всех людей. А ведь это между прочим естественная фауна города. Вот не будет людей, а кто будет вместо людей? Правильно, собаки. Крысы. И если с людьми еще можно как-то договориться, какие-то соглашения подписать... то с крысами такой номер уже не прокатит. Когда крысы перегрызут ваши провода, вы это поймете...

– Но ведь крыс можно истреблять точно так же, – не соглашается ведущий.

– И во сколько это обойдется нашему бюджету ежегодно? Ничего, что у нас есть другие расходы? Не проще ли договориться с людьми?

– Что же, большое спасибо, время нашего эфира подходит к концу. Напоминаем, с нами был специалист по фауне города номер семьдесят – тридцать четыре.

Аплодисменты. Гаснут софиты. Терпеливо ждём за кулисами, когда семьдесят-тридцать-четыре подъедет к нам.

– Вы... двенадцать-девяносто?

– Да, я созванивался с вами.

Специалист настороженно смотрит на девчонку рядом со мной.

– Она как... ничего, смиренная?

– Да не жалуюсь.

– А то был один звереныш, фару мне выкрутил, разбил... пришлось переехать его. Года три было, не больше...

Алина вздрагивает. Чего вздрагивает, не её же переехали.

Алина выходит на трибуну, маленькая, хрупенькая, нервная, оглядывает притихший зал.

– Прежде всего, я хочу поблагодарить организаторов сегодняшнего мероприятия...
Аплодисменты.

– ...а также всех, кто поддержал наше начинание. Мы живем на одной планете, бок о бок, и сотрудничество двух цивилизаций обещает быть более продуктивным, чем противостояние...

Кто-то движется в сторону Алины, чувствую, что готов растерзать этого кого-то, если он хоть коснется Алины, какого чёрта она доверилась телохранителям, это я должен её охранять, я...

Торможу.

Нет, не я торможу, что-то само тормозит меня, мотор глохнет. Не так, как обычно, когда еще можно что-то поменять, подлатать, починить, а совсем...

Алина косится на меня.

– Чего ты?

– Не могу. Можешь вызвать мастера?

– Вот бли-ин, ни раньше, ни позже... Ну счас, счас...

Ждем.

Накрапывает дождишко, меленький, серенький, Алина ёжится, названивает кому-то, какой-то своей Алке-Галке-Мочалке...

– Галюсик, а ты сейчас не в автопроме? Ой, Галюнь, а ты мне машиночку там не посмотришь? Этот-то что-то совсем не тянет... ага, ну давай, покедова...

Нервно смахиваю со стекла капли дождя.

– Ты чего так? – Алина кладет руку на капот.

– Так... Страшно.

– Да не парься ты, всё хорошо будет...

– Ой, барышня, я стесняюсь спросить, вы эту машину до войны взяли, или после? До какой – до какой, до троянской...

– Вы мне зубы не заговаривайте, ремонт во сколько обойдется?

– Да во сколько... три тыщи за ремонт, ещё две за перезагрузку системы.

– А без перезагрузки?

– Без перезагрузки он у вас с ума сойдет на тридцать три раза...

– А так если что новая во сколько обойдется?

– Да за тысячу новую себе отхватите, не парьтесь даже...

Разрывается телефон, Алина уже не смотрит на меня, включает связь, перебирает по кнопкам пальчиками, чувствую легкий укол ревности.

– Да, да, слушаю. Ага, хорошо, хорошо... а в кредит если что можно? Ну Лю-юд, ну я где бабло на целую тачку возьму, ты думаешь вообще, нет? Ага, подъеду... То есть, чего я говорю, на чём подъеду, на палочке верхом...

Алина поворачивается, идёт в сторону шоссе.

– Ты вернёшься?

– А?

– Ты... вернешься?

– Ну конечно вернусь, куда я денусь-то?

Шорох по песку, не как у наших, сплошь, а по-ихнему, по-живому – раз-два, раз-два...

Она придет.

Дождь заливает мой корпус, разъеденный ржавчиной, отчаянно пытаюсь сохранить блок памяти, пока ещё у меня это получается, но только пока. Фотоэлементы сбечь уже не удалось, антенны еще держатся, доносят до меня отголоски большого мира.

Считаю часы. Дни. Месяцы.

Она должна прийти.

Она обещала.

Монстрелла

– Ма, а там чи-во?

– Пойдем... пойдем.

– Ма-а-а!

Люси знает, пока не завопишь во все горло, ма не услышит.

Пойдем, пойдем... опоздаем.

Ма всегда говорит – опоздаем. Это страшное что-то. Одевайся скорей, а то опоздаем.

Пойдем скорей, а то опоздаем. Не шали, а то опоздаем.

Люси все-так смотрит туда. По ту сторону.

Ма уже торопится, Ма хотела Люси кроватьку купить, а то как же, дом новый, а кроватьки для Люси нет.

– Вот эту... хочешь?

Люси мотает головой.

– Не-е-е.

– Ну, Люсик, ну почему ты не хочешь, ну смотри какая розовенькая...

– Не-е...

Продавщица осторожно улыбается.

– Да дайте вы ребенку самому выбрать!

Продавщица смешная, как человек сделана, и говорит, как человек.

Люси выбирает. Красивую, с монстриками и черными крыльями, Люси теперь будет Королевой Ночи.

– Ой, Люсик, только не эту страхолюдину, ну я тебя умоляю!

– Эту!

Люси упрямится. С Ма надо упрямится, а то вообще на голову сядет.

– Ой, Люсик, ну хоть эту, что ли... с тыквами.

Люси соглашается. С тыквами и летучими мышами. Там еще могилки на кровати нарисованы, хорошо, ма не заметила.

– Ой, ну что за ребенок, ну ты посмотри, какая хорошенькая розовенькая...

– Ма-а-аааа!

Люси вопит. Чтобы отстала от нее ма со своей розовенькой.

– Ну вот, мы выбрали...

Ма про Люси всегда говорит – мы.

Па кивает. Ест рагу. Которое Матильда приготовила. У Матильды рагу классно получается, не то что у этой Олюшки долбанной, так бы за шиворот ей бы все и вывалила.

Люси говорит то, что давно хотела сказать.

– А я девочку видела... у неё глаза вытекли.

Ма вздрагивает.

– Ну, Люсик, что ты такие ужасы говоришь...

– Да я же видела!

Па смотрит на Люси. Осторожно.

– И... где же?

– Там. По ту сторону.

– М-м-м... очень интересно. Ну, поди... поиграй.

Люси идет играть. Игра такая у Люси на планшете, там монстров бить надо.

– Ма-а-аа!

Люси знает – все равно будет, как она скажет. Нужно только поорать погромче.

– Нет, Люси. Я сказала, нет.

Если ма говорит не Люсик, а Люси, значит, и правда, похоже, сердится.

А Люси так хочется в башенке жить, башенка в доме, а на неё лесенка ведет с террасы, здорово так, как в мультике каком-то было.

А ма говорит – нельзя.

Ма Люси комнату на первом этаже присмотрела, да на кой черт Люси этот первый жтаж...

– Маа-а-аааа!

– Нет, Люси. Ну, хорошо, в башенке, только на первом этаже, ладно, котеночек?

Люси терпеть не может, когда её котеночком называют. Тут в самую пору и истерику закатить...

Хлопает дверь, па вернулся. Люси к па бежит, он-то порядок наведет...

– Па-а-а-аа!

– Привет, принцесса. Ну как дом?

– Па-а-аа, а я в башенке хочу-у-уу!

– А что, у нас еще башенка есть? Не знал, не знал...

– В башенке!

– Ну конечно... Вон, с Матильдой поднимешься...

– Я насовсем хочу-у-у!

– Ну что ты, это опасно...

Люси знает, в мультиках так всегда говорят – это опасно. А если что-то опасно, это надо сделать. Обязательно.

– Ну... потом, – смиряется па, – через годик. Через два.

– Не хочу на пее-ервом!

– Ну, хорошо, хорошо, на третьем этаже тебе комнату сделаем...

Люси кусает губы. Это же сколько ждать. Год. Два. Это вся жизнь пройдет, так и составить успеешь, и умереть, прежде чем эти два года пройдут.

Люси обиделась. Люси знает, если делают не как она хочет, надо обидеться. Вот уйдет от них Люси, вот будут знать.

И то, правда. Уйдет от них Люси. На ту сторону.

Люси тихонько выскальзывает из дома. Никто Люси не замечает, всегда так эти взрослые. Люси бежит к краю земли.

Люси знает – когда плохо и на весь мир обидно, надо бежать на край земли. К той стороне. И заплакать. Как в мультиках. Музыка еще должна играть грустная, ну и еще дождь должен идти и красиво блестеть на ресницах.

Вот так.

Люси смотрит на ту сторону, там земля не зеленая, а синяя, и трава не растет.

Ма говорит – туда нельзя.

А если на родителей обидишься, надо сделать то, что нельзя. Значит, туда пойти.

Люси открывает дверцу, делает шаг. Еще. И еще.

Ничего не происходит. Правильно, это глупые взрослые все напридумывали, а-а-а, пойдешь на ту сторону, останутся от тебя рожки да ножки.

И никаких рожек у Люси нет. Это у Демоненны в мультике рожки. И Матильда в кухне горничной сказала, у ма тоже рожки есть, ей па сделал. А у ма прическа высокая, так может, и есть.

– Девочка, а как тебя зовут?

Люси оборачивается. Девчонка стоит, платьишко замызганное. Личико у девчонки синее, и глаза не два, а три, и пальчиков три на руке с перепоночками, и ушки острые...

- Монстрелла!
- Монстреллой зовут?
- Да нет... ты... монстрелла... а я Люси...
- Не-е, меня мама Сашей зовет. А не хочешь поиграть в крокодила?
- А это как?
- А так, я ногу свешиваю с дерева, а ты схватишь...
- Люси смеется. Прикольно.
- Да чего тут-то играть, холодно тут...
- А дома знаешь, как холодно, вообще дубак!
- А у нас дома тепло, – вспоминает Люси.
- Да? А тогда айда к вам!

Люси ведет Монстреллу в дом. Ясно же, что никакая не Саша, и близко не Саша – Монстрелла и есть.

- Это у вас дом такой большой? – Монстрелла ахает.
- Ага... а тут еще башенка наверху есть, и терраса...

Люси водит Монстреллу по дому, все показывает. Классно же, и то правда, что это за дом, который никому показать нельзя, чтобы кто-то вот так ходил, охал, ахал...

- Ух ты, зеркало у вас какое...

– Это не зеркало, это экран, ты че? – Люси включает экран, по экрану бегут монстры, и Монстрелла первая среди них...

- Лю-юсик!
- Ма, познакомься, это...

Ма замирает на пороге, как смерть бледная. А, ну конечно, Люси как была в башмаках в дом вошла, а башмаки надо у входа оставлять.

И па заходит. И тоже на пороге замирает, и бледнеет, как смерть. Ну, подумаешь, Люси в башмаках, ну чего бледнеть-то, сейчас, пойдет, снимет, и Монстрелле скажет, чтобы сняла...

Па вынимает кольт. Ма сжимает руку па, что ты, что ты, не здесь...

- Э-э-э... принцесса...
- Па, это Монстрелла!
- Подружка твоя?
- Ага! Она как в мультике!
- Очень... интересно. Э-э-э... Мене... Менестрелла, наверное... кушать хочет?
- А у вас есть чего? – Монстрелла смотрит на па тремя глазами.
- К-конечно. П-п-пойдем...

И ма верещит:

– Ну, давай, котеночек, мы девочку твою покормим, а ты пока в ванну пойдешь, да? Я тебе помогу, мы мыльные пузыри пускать будем, да?

Люси визжит, Люси любит пузыри пускать, надо еще Монстреллу позвать, пусть на пузыри посмотрит. Па отговаривает, ну что ты, Монстрелла кушать хочет, а ты...

...Люси выходит в комнату, а где Монстрелла, а нету...

– А Монстрелла домой ушла, – говорит па, – покушала, и ушла. Очень ей у нас понравилось. Тебе привет передавала.

Натянуто улыбается. Перезаряжает кольт.

В комнате шурует Матильда с горничной, с порошком отмывает комнату, шофер с прибором ходит, называется, бортометр.

Люси берет планшет, чтобы играть в игру. Игра у Люси такая, чтобы монстров бить. За каждого монстра – пять баллов, за двух – десять, сто монстров – десять баллов бонусом...

Ма смотрит на доктора, глаза заплаканные.

– Ну, доктор... ну я уже не знаю, что делать... такая девочка была послушная, и на тебе...

– Ну, вы понимаете, в её возрасте это нормально и естественно. Я помню себя в её годы, так верите ли, мне было жалко убить таракана. Ловил таракана и сбрасывал с балкона, еще смотрел, очнется он там на земле или нет...

– Доктор, ну вы хоть понимаете... грязь, мерзость... В конце концов, а если её обидит кто?

– Ну, вы одну не отпускайте. С охранником.

– Вы так спокойно об этом говорите... а если бы это ваша дочь была?

– Я вас уверяю, это пройдет. Полгода, год... и все. Сейчас, главное, не давить, если начнете запрещать, ограничивать – она вам в пику все по-своему делать будет.

– Ой, доктор, я как вижу, как она с чудищами этими возится, хлеб им носит...

– Понимаю. И все-таки – не торопите события....

– А Люси где?

Ма оглядывается. И правда, где. А что если где-то рядом была Люси, вот так, орали=орали друг на друга, даже не подумали, что при ребенке.

А как не орать... она этой сучке Матильде все волосья вырвет, знала бы, зачем её муж в дом взял...

Люси?

Ма поднимается по лестнице, заглядывает в комнату Люси. Нет Люси.

– Может... в башенке своей сидит? – спрашивает муж.

– Это ты её к этой башенке приучил, горюшко ты мое! Вот свалится, вот будешь знать! Завтра же снесу!

– Сама снесешь?

Ма хлопает дверью, бежит по лестницам, по коридорам, что за дом дурацкий, лабиринт, а не дом, зовет – Люси, Люси...

Нет Люси.

– Люси не видели?

Ма сталкивается с Матильдой, спрашивает:

– Люси не видели?

Уже и забыла Ма, что там Матильда с мужем вытворяла.

– Она туда пошла, – Матильда кивает в сторону границы.

– И не вернулась?

Ма смотрит на часы, полчаса до полуночи, за окнами темно...

– И ты её отпустила?

– Так в сами сказали... пускать...

– Ох, чтоб я тебя не видела в доме больше!

Ма радуется, есть на ком злость сорвать. На Матильде. Ма распахивает дверь, бежит в темноту ночи, зовет – Лю-ю-ю-си-и-и-и!

Нет Люси.

Па бежит за ма, да погоди, дорогая, дай я...

А вон Люси.

Стреляет.

Раз, другой, третий.

Люси добивает оставшихся – девяносто восемь, девяносто девять...

Па обнимает сзади.

– Пойдем, принцесса?

– Не, погоди... надо еще одного...

Люси бежит в ночь, па за ней, и охранники, надо еще одного добить, до ста, это очень-очень важно...

Люси стреляет в темную тень, кажется, в Монстреллу.

Сто.

Пятьсот баллов. И десять бонусами.

– Ну... это нормально в её возрасте... понимаете, все мы проходили через стадию игры...

Ма кивает.

– Ну конечно, доктор... а то я так напугалась, когда она нищету эту жалела... ну ничего... это пройдет,

– Ну конечно... пройдет.

Здесь граду быть

Я огибаю невысокую скалу, иду к холмам. Пустыня ложится мне под ноги, как будто уже сдается мне, победителю – но я знаю, что это обман, что она не скоро признает себя побежденной.

Здесь нет ничего, только пустыня, бескрайняя, бесконечная, бесчувственная, как сама смерть. Чахлые деревца нет-нет мелькают на горизонте, и все кажется, что ветер занес их сюда даже не из лесов к северу, а вообще откуда-то с далеких звезд.

Мертвая земля, высохшая земля, – от северного до южного полюса, земля, никогда не знавшая жизни кроме вот этой вот чахлой поросли, отчаянно борющейся за жизнь. Я пришел на эту землю со звезд, сам не знаю, зачем пришел, все говорили, что я пришел зря.

Но я знаю, что на этой земле – когда-то – будут города.

Это сейчас здесь ничего нет, серые холмы и серые скалы, но я уже вижу, как положу здесь первый камень, как сложу из камней первый дом, и позову людей, и они поставят здесь первый город, и в городе будут жить люди.

Сначала никто не поверит, что здесь можно жить, будут прилетать сюда осторожно, нехотя, потом больше, больше, с умирающей земли, которой осталось жить какие-то тысячи лет, на новую землю, которую я нашел.

Здесь будут города...

Я огибаю невысокую скалу, иду к холмам. Пустыня ложится мне под ноги, как будто уже сдается мне, победителю – но я знаю, что пустыня давно победила нас.

То тут то там на горизонте мелькают руины – руины городов, обломки, которым уже не суждено возродиться. Стены и башни медленно рассыпаются в прах, и ветер уносит их останки в пустыню.

Я знаю, что на этой земле когда-то были города.

Когда-то, совсем недавно, может, лет пятьдесят назад здесь были цветущие города, от которых осталось одно воспоминание. Я брожу по мертвым городам уже второй месяц – даже не для того, чтобы найти кого-то живого, просто потому, что мне некуда больше идти.

Кажется, на всей планете не осталось ничего, кроме высохших костей и белых руин...

Я вспоминаю, как пал первый город, как исчезали один за другим остальные города, как держался последний район, и уцелевшие люди считали меня вождем, как на всей планете больше никого не осталось.

Кроме меня.

И синего солнца...

И не верится, что когда-то здесь были города...

Я знаю, что здесь будут города, я уже представляю себе на этой пустоши кварталы и площади.

Наверное, сначала придется строить одному, никто не верит, что у меня что-то получится. Но у меня должно получиться, просто должно. А куда еще перевозить людей с умирающей земли, как не сюда, не на эту землю – воздух редковат, но дышать можно, холодновато даже на экваторе, но ничего, зимой в Сибири и не такое бывает. Так что если посадить здесь деревья... И на Марсе будут яблони цвести...

На Марсе... Это дальше всякого Марса, сюда еще не каждый полетит, на дорогу уходят века – но никакой другой земли ближе к Солнцу я не нашел...

Города...

Здесь будут города...

Я прямо вижу, как мы дробим шахты, вытягиваем из чрева чужой земли топливо, как загораются в домах первые огни, как планету сковывают рельсы, туннели пневматических путей, как носятся скорые поезда, как небо рассекают флаеры. Вон там, на плато будет космодром, сюда будут день и ночь опускаться крылатые машины, везти людей, вещи, я представляю, как на какой-нибудь машине сюда привезут сокровища Лувра и Эрмитажа, спасенные с погибающей земли...

Это все будет...

Очень скоро...

Редкий воздух жжет мне легкие, но я верю, что когда-то здесь можно будет дышать полной грудью...

Я помню, что здесь были города, я еще представляю на этой пустоши кварталы и площади.

Никто не помнит, как все пришло в упадок, с чего началось начало конца – я спохватился, когда дело зашло слишком далеко. Человеческая колония рассеялась по всей планете, разбилась на области, автономии, федерации, империи, откуда ни возьмись появлялись новоявленные князья, президенты, императоры, властелины, потом были какие-то экономические блокады, эмбарго, потом кто-то обещал построить новый прекрасный мир, а кто-то обещал конец света.

Это было давно...

Кажется – в прошлой жизни...

Потом была война кого-то с кем-то, я не знаю, кого и с кем, я не мог разобраться, я не думал о политике, я строил города. Потом три величайшие империи перестали существовать, а остальные лежали в руинах. Тогда-то я и спохватился, но спохватываться было уже поздно. Я ходил по городам, я собирал наполовину одичавших людей, я выстраивал новые дома из руин, строил стены, чтобы ветер пустыни не высушил пашни.

Тогда еще по планете ходили какие-то поезда, и я помню, как рельсы и пневмолинии останавливались одна за другой, и небо опустело без крылатых машин. Я помню, как набирал номера, по которым уже никто не отвечал, как заходил на чьи-то сайты и читал, что последнее обновление было полгода назад.

Уже тогда под ликом городов виднелись руины.

Здесь были города.

Кажется, бесконечно давно – здесь были города.

Редкий воздух жжет мне легкие, и не верится, что когда-то здесь можно было дышать полной грудью...

Я остановился на широкой равнине – здесь будет храм. или дворец. Что-то фундаментальное, величественное, огромное, что переживет века. Какие-нибудь колонны, купола, арки, золото, много золота, или нет, лучше серебра, оно будет сверкать под синим солнцем.

Сегодня я и начну строить. Нет, не храм, сначала дома, много домов, потом выложу в Интернете объявления, квартиры на Астарте. Недорого. Через каких-то двести лет можно будет встречать первых поселенцев, у меня уже будет готов город для них.

Двести лет – срок немалый.

Но я доживу...

Я должен дожить, у меня нет другого выбора.

Я остановился на широкой равнине, посмотрел на руины храма. Странно, что этот храм держался до последнего, когда уже все рухнуло, погубленное сдвигами каких-то плит, про которые никто ничего не знал.

Тогда уже никто не сомневался, что это конец, конец всему, конец нашему миру, который мы так долго строили, конец городов, конец цивилизации. Тогда уже по планете катилась волна эпидемий, я даже не знал, что это было, чума, туберкулез и проказа вместе взятые, что-то жуткое, сжигающее человека изнутри. Это было лет пятьдесят назад, и все-таки как в прошлой жизни, когда мы собрались на окраине когда-то величайшего из городов, еще надеялись выжить, начать все сначала. Нас было около двухсот, и я по очереди закрывал глаза им всем, и по очереди зарывал их всех в землю и ставил кресты.

Кажется, вечность прошла...

Это было лет пятьдесят назад...

Я покинул развалины храма, поднялся на холм.

Я встретил его на вершине холма.

Даже испугался, никак не ожидал, что увижу здесь человека, просто не могло здесь быть человека. Но он шел мне навстречу, невысокий, изможденный какой-то, глаза ввалились, горят огнем, как будто человек тяжело болен.

Он тоже увидел меня. Остановился в двух шагах. Мы стояли и смотрели друг на друга, кого-то он мне напоминал, очень сильно, я не мог вспомнить, кого.

А потом меня как будто по лицу хлестнули.

Я узнал...

На вид ему было несколько тысяч лет, не меньше, он был худой как палка, без единого волоска на лысом черепе – и все-таки я узнал самого себя.

Тысячи лет разделяли нас...

А может – больше.

На его лице были следы веков, следы каких-то войн, побоищ, катастроф, эпидемий, следы разочарований, поражений, бессонных ночей. Мы не сказали друг другу ни слова, да, наверное, не могли сказать, – но все и так было понятно.

За его плечами темнели руины, обломки стен, мертвые города, развалины, в которых трудно было что-то узнать, и там, где я задумал храм, теперь белела груда камней. Он сокрушенно кивнул в сторону обломков – видишь, что случилось – и побрел куда-то на север.

Я так и не понял, надо ли идти за ним – он исчез так же быстро, как появился, только легкая дымка всколыхнулась на горизонте.

Холмы...

Холмы, на которых будут лежать руины...

И нужно было возвращаться домой – пока еще не поздно вернуться – и я шел вперед.

Шел – сам не знаю, зачем. Он, тот, другой, предупреждал меня, и все предупреждали, я и сам чувствовал, что не так просто будет построить город...

И все-таки я шел вперед.

Сегодня я буду рыть котлован, а потом положу первый камень, а потом построю первый дом...

Пилигрим

– А как вам удалось спастись?

Нет, слишком банально.

Вертится на языке фраза, одна-единственная:

– А как вам удалось спастись?

Снова стучу в дверь, уже чувствую – не откроют.

– Входите.

Вхожу. Оглядываюсь в поисках хозяина, не сразу вижу высохшего старика в углу.

– Вы... хозяин?

– Будет сейчас хозяин... чего хотели-то?

Вздрагиваю от его голоса.

– Я это... из газеты...

– Да чего это газета-то нами заинтересовалась, дел других у газеты, что ли, нет?

– Так вот шестьдесят лет назад...

– И-и-ишь, куда загнули...

Говорю как есть:

– Пилигрим.

– Ишь, ты чего вспомнили... ну, и дался вам Пилигрим этот?

Откашливаюсь:

– Сейчас мы ищем тех, кому удалось выжить во время аварии...

Айзек Валентайн, банкир.

Гуанг Вук, торговец пряностями...

И так далее.

Большой список.

Полторы тысячи человек.

Валентайн недоверчиво смотрит на список, недовольно фыркает, вычеркивает самого себя.

Снова смотрит на список.

Кто-то из них должен быть тем самым...

Кто-то...

Валентайн хмурится, а с чего он взял, что этот кто-то может быть только один, может, их там двое, трое, а то и все десять...

Корнелиус Мартин, капитан корабля...

Валентайн снова хмурится, а почему, собственно, – один, может, одна...

Начинает дописывать:

Агнес Ивенджелин, балерина.

Виртувия Винсенте, актриса.

Снова хмурится.

... Трагическое событие потрясло мир...

– Вечер добрый.

Вхожу в гостиную, вежливо кланяюсь барышне у окна, она смотрит не на меня, куда-то мимо, оборачиваюсь, тут же понимаю, что кланялся горничной, а настоящая хозяйка – вон она, дама в годах...

– Добрый, – кивает дама.

Откашливаюсь:

– Я... имел честь говорить с вашей сестрой по поводу аварии Пилигрима...

Хозяйка вздрагивает, будто от удара:

– Смеетесь?

– Ни в коей мере. Я говорил с вашей сестрой, она очень переживала, что потеряла вас... она...

Дама откашливается:

– Молодой человек, Эльза погибла.

– Но...

– Она погибла. Я могу показать вам её могилу... здесь... на фамильном кладбище...

Эльза.

Фотография милостивой девушки.

Годы жизни.

Год падения «Пилигрима».

Корабль.

Океан.

Я на палубе.

Нет, я не пассажир.

И не матрос.

Но я на палубе.

Айсберг.

Там.

В темноте ночи.

Люди его еще не видят, они увидят его слишком поздно.

Я знаю.

Я это знаю.

Невидимый луч из моей руки рассекает темноту, разрезает ледяную глыбу.

Люди не узнают об этом.

В изнеможении падаю на палубу, кто-то подхватывает меня, да что ж вы так неосторожно...

Хочу поблагодарить – замечаю что-то...

Нет, померещилось...

Нет, так и есть, темные пятна на шее человека, пятна смерти.

В отчаянии смотрю на ледяную глыбу бесконечно далеко впереди.

Отступаю вперед, – понедельник, вторник, среда, четверг, сентябрь, октябрь, ноябрь...

...притормаживаю, чуть не пролетаю нужный понедельник.

...стучу в нужную дверь.

Открывают.

Спрашиваю:

– Это вы пустили айсберг?

Не сразу понимаю, что вижу за дверью самого себя. Вспоминаю какие-то поговорки, что встреча с самим собой не к добру...

...а если конкретного человека не пустить, или крысу там какую убить... – говорю я.

Я мотаю головой:

– Не получится. Только весь корабль.

Не сдаюсь:

– А пробовали уже?

Киваю:

– Пробовали.

...гибель «Пилигрима»...

Смотрю на часы.

Жду.

Дождь моросит за окнами маленького кафе, люди спешат спрятаться с промозглой улицы, кто-то ловит такси, такси не ловится, выскакивает из сачка.

Жду.

Они должны прийти.

Я назначил им встречу.

Здесь.

В кафе.

Смотрю на визитки.

Джон Квинс.

Клерк в какой-то там конторе.

С надеждой смотрю на хорошо одетого джентльмена, вошедшего в кафе – он проходит мимо, не замечает меня, кидается к компании молодых парней, аа-а-а, сколько лет, сколько зим...

Смотрю на визитку.

Глэдис.

Фамилии не знаю.

Просто Глэдис.

Продавщица в какой-то там галантерее...

Стою на палубе.

В темноте ночи.

Рука по привычке сжимает луч, – не вынимаю из-за пазухи.

Сжимается сердце.

Кто-то проходит мимо меня, замирает:

– А вроде качку обещали, нет?

Мотаю головой:

– Да вроде н-нет...

...мы отчаянно пытаемся связаться с выжившими...

– А как вам удалось спастись?

– Да... знаете... не помню...

Еле сдерживаюсь, чтобы не выругаться, скольких опрашиваю, столько человек не знают, как спаслись.

– Скажите, пожалуйста... – Глэдис подступает ко мне, сжимает мою руку, – а вы не видели Джона...

...до сих пор спорят, что было причиной трагедии...

– ...а вы не видели Глэдис?

Это Джон Квинс.

Киваю:

– Да, я говорил с этой дамой.

– Да? Вы... вы видели её?

– Да, да... думаю, это была она.

– А вы...

– ...я сообщу ей про вас. Нет, давайте так сделаем, вечером в пятницу в кафе У Фонаря...

– ...я же что думал, там же просто всё, не двоичная система, а троичная, да, нет, может быть – и всё, и можно человеческое сознание оцифровывать...

Киваю. Интересный оказался человек...

Глухой удар.

...отступаю назад, минута, две, три, десять, чуть не спотыкаюсь на пятнадцатой минуте.

Рассекаю лучом ледяную глыбищу.

Спрашиваю:

– Тебе что, надо, чтобы полмира перемерло?

Отвечаю:

– Ты посмотри, что он сделает-то, если выживет...

– Ну, не факт, говорит-говорит, а может, дальше разговоров и не пойдет...

– А если пойдет?

– Давай проверим...

...в изнеможении падаю с кресла, давлюсь собственной кровью, понимаю, что заглянул слишком далеко.

Хлопаю по щекам самого себя, потерявшего сознание.

Оживаю.

– Видел? Да? Видел?

– М-м-м-м...

– Ну, отдохни пока, глотни вот...

Отодвигаю чашку:

– Не-не-не... видел. Да. Первая удачная операция по...

– ...ага, хорошо...

Луч разрезает ледяную глыбу.

Всплеск воды.

Луна робко пробивается сквозь тучи, тут же кутается в густой туман.

Спускаюсь в один из многочисленных ресторанов, выискиваю свободный столик, не нахожу, кто-то одергивает меня, да садитесь, садитесь, здесь свободно...

Смотрю на миловидную женщину, сдержано улыбаюсь, отчаянно вспоминаю, как вести себя в обществе дамы...

От нечего делать смотрю в будущее дамы, думаю погадать ей по руке...

– ...а у вас, прекрасная леди, будет трое детей, а дочка ваша выйдет замуж за банкира... младшенький ваш будет архитектором, а старший...

Ёкает сердце.

Думаю, как незаметно столкнуть даму за борт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.